

И. Поздняков

«Новая Америка»

Следующий этап в осмыслении темы родины знаменует стихотворение «Новая Америка», являющееся новой ступенью в цикле, посвященном родине. Оно свидетельствует о том, что поэт все более глубоко осмысливал судьбы родной страны и находил все более верные ответы на вопрос о ее будущем, о ее счастье.

Стихотворение открывается необъятно широкой и торжественной картиной, словно бы вбирающей себя простор родной страны — со всеми ее степями и городами, со всеми ее людьми и их заботами, тревогами, радостями, со всем тем, что всецело захватило поэта:

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

Снова кажется поэту, что «чудным звоном заливаются колокольчик», и снова грозная вьюга вдохновения замела все пути и дороги, и «роковая, родная страна» сверкнула новой красотой, безудержной улыбкой, молодой, влекущей.

В стихотворении «Новая Америка» Блок показал, какими обманчивыми являются порою представления о России, если ограничиться лишь тем, что бросается в глаза, упустить из виду нечто гораздо более важное и существенное, хотя бы и неприметное с первого взгляда:

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Словно бы ничто не изменилось в этой Руси, и она такая же, как столетия назад. Но если взглянуть пристальней, то... окажется, что Русь уже совершенно не та, какую видится с первого взгляда. Она может только «прикинуться» смиренной, покорной, богомольной, но ведь это уже одна только видимость. Ибо не молитвенное смирение, а нечто совершенно другое различает пылливый взгляд поэта сквозь старые, привычные черты, и совсем иные звоны и голоса слышатся его настороженному, чуткому слуху «под метелицей дикой», проносившейся по просторам родной страны:

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Тихие речи, которые не каждому дано услышать, щеки, запывавшие пламенем тайных надежд и желаний, от которых пришли бы в ужас радетели старых порядков и ревнители убогой, кондовой Руси, — все это становится для поэта знаком и предвестием великих перемен, предчувствие которых разлито во всем окружающем мире и как бы преображает его:

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горячей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

К этим гудам прислушивается поэт, и они вещают ему о том, что судьба родной страны снова на каком-то изломе.

Что они означают? Может быть, возврат к тому, что уже было некогда в веках:

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Но нет, отвечает сам себе поэт, пытливо вглядываясь в «непонятную ширь без конца», — те необычные приметы, которые он различает в раскинувшемся перед ним просторе, означают не возврат к далекому прошлому, а нечто совершенно иное. Древняя Русь оказалась удивительно молодой, и поэт именно в этом новом, что открылось перед ним и изменило даже самый пейзаж, издавна знакомый, а вместе с тем небывало новый, видит залог важных и знаменательных событий, изменивших облик страны и означающих новые пути ее истории:

Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многорусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

Вот где приоткрывается полог над тем будущим, о котором поэт так упорно молчал, — в этих убогих лачугах, в этой горячей и свободной гари, под пронзительный вопль заводских гудков. Здесь особенно ясным становится смысл тех перемен, предчувствие которых стеснило грудь. Это они преображают обычный трудовой день в радостный и великий праздник:

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Эта мечта о великом будущем, уходящая корнями в почву родной страны, уже не отвлеченна и бесплотна, как было некогда, нет. Она вдохновлена и подсказана тем, что увидел поэт «под метелицей дикой» на неоглядных степных просторах. Поэту видится нечто светлое, радостное:

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Поэт говорит о России будущего как о «новой Америке», но вносит он в эти слова особый смысл: здесь «новая Америка» — это не Соединенные Штаты, не страна бизнесменов, биржевиков, дельцов-предпринимателей. Под «новой Америкой» подразумевается край огромных возможностей и талантливого, молодого духом народа, который сумеет претворить эти возможности на живом, плодотворном деле, овладевая богатствами земли и покоряя ее неизмеримую мощь.

Прославляя новую Россию и ее новый облик, ее молодой задор, ее творческие силы, Блок даже не упоминает предпринимателей, тузов-воротил, владельцев фабрик и заводов. Он знает: не они создают богатства, и, стало быть, не им принадлежит честь и слава завоевания и освоения недр родной страны, ее неисчислимых сокровищ, несущих людям счастливое и прекрасное будущее. В стихотворении «Новая Америка» вера поэта в свой народ и его будущее обрела более яркое звучание.